

1.

В летнюю пору мы с товарищами, приготовив удочки, уходили нередко на Белую. А если стояла хорошая погода, то мы и дня, как говорится, не пропускали, с превеликой охотой отдаваясь любимому занятию. Бывало, запасемся чаем да сахаром и еще кое-какой провизией — и мигом устремляемся к реке.

Иногда, порядком уставшие, мы заходили отдохнуть к старому рыбаку. Мы варили у него рыбу своего улова, пили чай и, провозившись так до вечера, возвращались на закате домой.

Только черные тучи да проливной дождь могли расстроить наши рыболовные занятия. А дед-рыбак был, по совести, главной причиной наших веселых походов и сборищ.

В зимние месяцы он сторожил мечеть и находился при медресе, а на лето уходил рыбачить на Белую. На ее берегу провел он всю свою жизнь, среди этих прекрасных долин и состарился наш дед.

Вместе с ним состарился и тенистый вяз, под которым мы укрылись от солнца. Для деда не было здесь вокруг ни одной тайны; вся окружающая местность была раскрыта для него, как книга. Все знакомо ему, все близко: и степь, и лес, и долина. Для него цветет природа, для него поет соловей. Еще бы, дед считал этот уголок своей собственностью!

Он понемногу тратил сбереженные за зиму копейки и был счастлив. Все люди — его друзья. Он подолгу разговаривал с ними, в каждом звуке его голоса — доверчивость младенца.

2.

Истомленные жарой, мы недолго пробыли на рыбалке и, по обыкновению, собрались у деда под вязом. Мы застали его за починкой сети, которую он сушил, развесив на ветвях.

— Ну-ка, ребята, принесите воды для чая, — встретил нас дед, — а ты, Габдрахман, почисти-ка вот ту рыбешку и принимайся за стряпню.

Продолжая налаживать сеть, он показал на завернутую в листья рыбу.

Пристроив свои вещи на ветвях гостеприимного вяза, мы занялись приготовлением обеда: один чистил рыбу, другой таскал воду или кипятил чай, а остальные, собрав ветки, разожгли костер.

Старый рыбак тем временем закончил свои дела. Сняв промокшую одежду, он босиком зашагал к нам и присоединился к нашей компании.

А дело-то на мази: рыба очищена, положена в котел, и шипит понемногу над самой серединой костра большой, закопченный железный чайник. Удобно расположившись в тени вяза, мы в ожидании поглядывали вокруг, не переставая любоваться местностью.

Старый вяз, так славно осенивший нас своими толстыми, склонившимися к воде ветвями, стоял на самом берегу Белой.

На другом же, высоком берегу, виднелась гора Акташ — Белый камень. Вытянувшись вдоль реки, она отражала резко ударявшие нам в глаза лучи полуденного солнца. Все вокруг дышало бодростью, веселило душу: и бесшумное течение Белой, и дивный воздух, и краски летнего дня.

Медленно плыли вниз по реке плоты, уносимые спокойным течением Белой. Протяжно и задумчиво пели плотовщики-башкиры, сидевшие на веслах. Ударяясь о камни Акташа, голоса словно раздваивались, и издали доносилось к нам их глухое эхо.

Не желая прерывать славного пения плотовщиков, мы не решались с ними заговорить. Так и уплыли они в тишине лесов, скрывшись вскоре за поворотом. Тем временем чайник наш закипел, и струя горячей воды с шумом брызнула на костер, взбаламутив золу. Мы мгновенно очнулись и, разровняв руками молодую травку, положили поверх полосатого, тряпичного, дедовского коврика чистую скатерть. Затем мы достали из воды, поставленные туда для охлаждения бутылки с молоком. За чаем поспела и рыба. Разложив на листьях наши порции, мы деловито принялись их уплетать. Однако мы все еще не могли отвести глаз от красоты окружавшей нас природы.

— Хорошо бы на ту сторону перебраться, — сказал один из нас, — да взойти на Акташ и побродить вон по тем щербатым, нагроможденным в кучи камням.

Дед снисходительно улыбнулся.

— Чудак, — сказал он таким голосом, будто речь шла о чем-то невозможном, — туда захотел? Ну-ка, попробуй, а я погляжу, как черти тебя скрутят.

Удивленные словами старого рыбака, мы стали просить его объяснить нам смысл его шутки. И дед рассказал нам следующее:

— За горой Акташ лежит у ее подножья просторная равнина. Раскинулись там широкие поля, зеленеют леса и видны остатки древнего ханского города. В те далекие времена люди жили там беспокойно, то и дело набегали враждебные племена. В один из таких набегов властвовавший в этом городе хан отправил к вождю чужого племени гонца, поручив ему узнать, для чего враг пришел в его город.

3. Была у хана красавица-дочь и звали ее Алтынсэс — Золотой волос, а лицо ее походило на луну и на яркое солнце. Вот иноземец и велел передать, что он пришел за красавицей Алтынсэс, и если хан не отдаст дочь миром, то он возьмет ее силой.

Услышал это хан и спрашивает свою дочь: как же быть?

— Не пойду я к ним за Уральские горы, отец, — ответила ханская дочь, — не отдавай меня, отец, разбойникам из Яика, с горы Акташ. Не отдавай меня, лучше войну им объяви. Если отдашь меня против воли, не видать вам меня в живых.

Согласился с ней хан и решил воевать с вторгшимися в город иноземцами, а вождю их послал он такой ответ:

— Не пойдет к тебе моя дочь, возвращайся в свои края. Если не прольешь чужой крови, уходи с миром, а прольешь — знай, у меня немало войска, и мы к войне готовы.

Разозлился иноземец, узнав о ханском отказе.

— Силой возьму Алтынсэс, — сказал он, — без нее домой не поеду.

Тогда отец Алтынсэс выступил со своей армией в поход. Стали его войска вон на той горе, — показал дед, — и с вершины ее стреляли они из луков в набегавших из-за хребта иноземцев.

Люди в те времена знали только лук да стрелы, но залетали те стрелы далеко-далеко, версты за три-четыре.

И хотя войска хана сражались долго, но противник превосходил их числом, и он победил их в бою, и, отступая, они скрылись в городе.

Загоревали тогда жители, и одолел их страх, так как не знали они, куда же им идти.

Увидев поражение ханского войска, Алтынсэс вскочила на вороного коня и, вооружившись луком, сама выступила против иноземцев. Она упорно сражалась с врагом, но, раненная в руку, должна была возвратиться назад.

Предвидя ужасный конец, хан решил спрятать от врага свои бриллианты, золото и серебро вон в той горе, на самой крутизне. Есть на горе пещера, и в глубине этой пещеры и спрятал хан свои сокровища.

Затем он снова пошел со своим войском на врага, но и в этом бою победил его враг.

Тогда Алтынсэс, желая спастись от рук иноземца, прокралась ночью при свете луны к расщелинам горы и скрылась вместе с прислуживавшей ей девушкой в той самой пещере, где хан упрятал свои богатства.

Разгромив ханское войско и уведя в плен самого хана, иноземцы вернулись в свое царство. А красавица Алтынсэс как проникла в пещеру, так и исчезла навсегда.

— Что же с ней стало потом? — спросил один из нас.

— Потом? Никто не знает, что случилось с Алтынсэс. Но были люди, которые видели, как она появлялась иногда летней ночью и как, покинув пещеру, подолгу сидела на склоне горы.

Распустив свои длинные волосы, она окутывала себя ими с головы до ног. Сидит опершись руками о камень, печально озирает долину и так до самой зари. Потом оглянется в последний раз и исчезнет.

В прежнее время она показывалась часто, а теперь что-то не слышать уже людей, которые бы ее видели.

— А клад все еще там?

— О нем-то я и хотел сказать. С годами прижились там черти, а люди, искавшие клад, пропадали навеки. Будто часовые, стоят там на карауле эти дьяволы, они-то и не допускают никого к сокровищам.

Закончив рассказ, дед с грустью оглядел каменную гору на другом берегу. И затем глубоко вздохнул.

Мы с волнением слушали нашего деда. Перед нами словно ожила дочь хана красавица Алтынсэс. Будто видели, как она то спотыкается о камни, то прячется в пещере, то оглядывает с тоской окрестные горы и долины. И слезы на ее глазах, казалось, видели, на больших, черных, под длинными ресницами, глазах. Словно в эту минуту Алтынсэс уходила со своей подругой Каракуз в пещеру.

Давно кончил свой рассказ дед, но взоры наши еще долго были обращены к расщелине на склоне горы.

В летнюю пору мы с товарищами, приготовив удочки, уходили нередко на Белую. А если стояла хорошая погода, то мы и дня, как говорится, не пропускали, с превеликой охотой отдаваясь любимому занятию. Бывало, запасемся чаем да сахаром и еще кое-какой провизией — и мигом устремляемся к реке.

Иногда, порядком уставшие, мы заходили отдохнуть к старому рыбаку. Мы варили у него рыбу своего улова, пили чай и, провозившись так до вечера, возвращались на закате домой.

Только черные тучи да проливной дождь могли расстроить наши рыболовные занятия. А дед-рыбак был, по совести, главной причиной наших веселых походов и сборищ.

В зимние месяцы он сторожил мечеть и находился при медресе, а на лето уходил рыбачить на Белую. На ее берегу провел он всю свою жизнь, среди этих прекрасных долин и состарился наш дед.

Вместе с ним состарился и тенистый вяз, под которым мы укрылись от солнца. Для деда не было здесь вокруг ни одной тайны; вся окружающая местность была раскрыта для него, как книга.

Все знакомо ему, все близко: и степь, и лес, и долина. Для него цветет природа, для него поет соловей. Еще бы, дед считал этот уголок своей собственностью!

Он понемногу тратил сбереженные за зиму копейки и был счастлив. Все люди — его друзья. Он подолгу разговаривал с ними, в каждом звуке его голоса — доверчивость младенца.

План:

1. Мы уходили на реку Белую.
2. Мы заходили отдохнуть к старому рыбаку.
3. Жизнь старого рыбака прошла на берегу реки Белой.

Домашнее задание:

Прочитать повесть «Моя школа» Алексея Бондина.